

БОЛЕСЛАВ БРЕЖГО – ИСТОРИК ЛАТГАЛЬСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Boleslaw Brezhgó as Historian of the Latgalian Peasantry

Aleksandrs Lisovs (Александр Лисов)

Austrumeiropas, Eirāzijas un Krievu mākslas un arhitektūras vēsturnieku biedrība/
Общество историков искусства и архитектуры Восточной Европы, Евразии и России/
Society of Historians of Eastern European, Eurasian, and Russian Art and Architecture
e-mail: allisov@mail.ru

Abstract. *The article shows the evolution of changes in the assessment of the personality of the historian Boleslaw Brezhgó. He retained the principled positions of an objective scientist throughout his biography, despite the change in political and ideological attitudes. His active scientific work took place in the conditions of changing political regimes and doctrines for about 40 years, first in Belarus, and then in Latvia. The position of the scientist can be presented apolitical, but he repeatedly tried to cooperate in the cultural and scientific programs of national organizations throughout this time.*

Brezhgó witnessed and participated in the complex process of the formation of the Latvian statehood and the Latgalian national movement. He did not refuse proposals to publish his works. His objectivity was based on the rejection of the way to use the results of his own research for conjunctural, political purposes. Boleslaw Brezhgó proceeded from the idea that historical material should form problems. It is necessary to raise questions that follow from this material. He did not try to analyze the material for uncharacteristic problems.

Keywords: *archival studies, Brezhgó Boleslaw (1887–1957), Latgalian Peasantry, Rezekne, source study, Vladislav Lotsis publisher, Vitebsk branch of the Moscow Archaeological Institute.*

Вступление

В нынешнем году исполняется 100 лет российской революции, событию, которое стало началом кардинальных перемен в истории народов большой многонациональной Российской империи. В этом же году отмечается 100-летие еще двух важных событий – 1-го съезда белорусских национальных организаций (25–27 марта 1917 г.), провозгласившего идею национальной автономии белорусов, и 1-го конгресса латышей Латгалии (26–27 апреля 1917 г.) с идеей объединения латышей в единое национальное государство. Конгресс, состоявшийся в Резекне, стал важным событием в формировании национальной государственности Латвии и определил судьбы латышей и латгальцев, как единого народа. К месту сказать, что белорусский съезд такой консолидирующей роли не сыграл, а идея белорусского национального независимого государства так и не была реализована на этом историческом этапе. Названные события способствовали переустройству границ и территорий. Новый передел был закреплен Рижским мирным договором 18 марта 1921 г. Передел границ, смена идеологий, социальные трансформации оказали влияние на судьбы людей. Общественные перемены существенно повлияли на оценки значения личностей в контексте истории культуры всего 20 столетия. Нередко эти оценки носили определенно конъюнктурный, идеологический характер.

Одним из видных ученых, соединяющих в своей биографии Беларусь и Латвию, Витебщину и Латгалию, является историк и архивист Болеслав Брежго (1887–1967). С его именем связана еще одна юбилейная дата нынешнего года, 130-летие со дня рождения. Деятельность Брежго высоко оценена специалистами в Беларуси и в Латвии (Strods, 1994; Пашкоў, 1994). Очень показательно, что при жизни ученого над оценками его деятельности давили стереотипы.

Цель работы

В этой статье мы попытались показать эволюцию тех перемен в оценке личности Болеслава Брежго, сохранившего на протяжении всей своей биографии принципиальные позиции объективного ученого, несмотря смену политических и идеологических установок. Около 40 лет его активной научной деятельности сначала в Беларуси, а затем в Латвии, проходили в условиях смены политических режимов и доктрин. Позиция ученого подчас может показаться аполитичной, однако на протяжении всего этого времени он многократно пытался сотрудничать в культурных и научных программах национальных организаций.

Истоки и профессиональное становление

Болеслав Ричардович Брежго родился 31 марта (12 апреля по н.ст.) 1887 г. на хуторе Айзупиши Режицкого уезда в то время Витебской губернии (ныне Резекненского края Латвии). Он вырос в латгальской крестьянской семье, которая в скором времени переехала в город Режицу, где Болеслав окончил городское училище. В биографии его нередко сообщается разными авторами, что в 1910 г. он сдал экстерном экзамены за полный курс Витебской губернской гимназии. В действительности это не так. О том, что окончить гимназию ему не пришлось, свидетельствуют документы его личного дела в фонде Витебского отделения Московского археологического института, студентом которого Брежго стал в 1911 г. (Назарова, 2012) До поступления в институт он много занимался самообразованием и зарабатывал частными уроками. Целеустремленность и собранность стали теми лучшими качествами его личности, которые не только способствовали учебе, но и дальнейшим систематическим занятиям в научной сфере. Брежго окончил курс всех трех отделений (факультетов) археологического института: архивного, археологического и истории искусств. Первоначальный срок обучения в институте составлял 3 года. Окончив архивное отделение, он защитил диссертацию «Архивы Полоцко–Витебского края в прошлом и настоящем». С началом Первой мировой войны Болеслав Брежго был призван на военную службу и направлен в Тифлисское юнкерское училище, которое закончил с присвоением воинского звания прапорщика. На фронте он был ранен и вновь попал в Витебск, где с осени 1917 г. стал учиться в качестве слушателя археологического отделения археологического института, а затем с лета 1918 г. – отделения истории искусств. Срок обучения в институте с 1917 г. был увеличен до 4–х лет, однако Брежго за год подготовил и защитил в институте диссертацию по археологии на тему «Материалы для археологической карты Витебской губернии», и в том же 1918 г. в короткий срок защитил диссертацию «Ян Матейко как представитель польской исторической живописи», успешно завершив таким образом учебу на отделении истории искусств (Strods, 1994). Он оказался далек от споров о новомодных направлениях авангардного искусства, бурных перипетий художественной жизни Витебска этого времени, когда в городе собирали своих сторонников художники Марк Шагал и Казимир Малевич.

Неординарность оценки успехов молодого ученого Брежго отмечена тем, что осенью 1918 г., когда он еще будучи учащимся отделения истории искусств института и одновременно преподавал в учебном заведении, назначен на пост директора Витебского отделения. На этой должности он проработал вплоть до 1922 г., времени ликвидации института.

Важнейшим делом послереволюционных лет для Брежго стало сохранение фондов Витебского губернского архива, который оказался бесхозным. С ноября–декабря 1918 г. ученый вел переписку с руководством Московского археологического института и добился передачи документов губернского архива в ведение Витебского отделения института. Брежго совмещал должности директора института и заведующего архивом, который вплоть до закрытия отделения выполнял роль учебного (Шумейко, 2011).

Первая публикация ученого была сделана в официальной газете учебного округа «Виленский вестник» в 1915 г. Она посвящена изучению художественного оформления древних витебских актов книг – инициалам и орнаментам, украшающим их страницы. Активно публиковаться Брежго начал уже в 1925 г., когда стал принимать участие в краеведческой работе в Витебске. Для краеведческого сборника «Витебщина» он сделал обзор истории архивного дела в регионе (Брежго, 1925). Статья основана на материалах доклада, с которым он выступил на общем собрании Витебского общества краеведения 2 ноября 1924 г. В это время напечатаны статьи на белорусском, польском и латышском языках. После 1925 г., когда Брежго принял окончательное решение покинуть советскую Беларусь и перебраться в Латвию, его работы были изданы в периодических изданиях Львова и Кракова, а также Двинска и Риги. Они посвящены истории и археологии витебского, полоцкого и латгальского регионов.

Начало деятельности в Латвии

С 1925 г. Болеслав Брежго жил в Латвии – в Двинске и Риге. Он заведовал Двинским архивом, был избран депутатом городской Думы, сотрудничал с местной русскоязычной газетой «Двинский голос» и белорусскоязычным изданием «Голас беларуса». Это сблизило его с целым рядом представителей русской эмиграции в Латвии и деятелями белорусского национального движения в стране. Важными нам представляются его отношения с Константином Езавитовым, выполнявшим роль редактора белорусскоязычных изданий в Риге, и в частности, газеты «Голас беларуса». В Двинске в эти годы Брежго поддерживал контакты с директором местной белорусской гимназии С. А. Сахаровым, опубликовал одно из своих исследований в гимназическом журнале «Школьная праца». Статья посвящена истории отношений полочан и латышей в древнейший период, 8–18 веках.

В середине–второй половине 20–х гг. окончательно формируется область интересов ученого – история витебского и двинского регионов, по старому, Витебщины и Инфлянтов, как называли Латгалию. Он свободно владеет местными языками – латышским, польским и белорусским. Для него сложившиеся после заключения Рижского мирного договора границы не становятся препятствием для реализации научных интересов. Ответы на поставленные научные проблемы он ищет в первоисточниках, документах.

И все же в это время, в условиях определенной политической конъюнктуры Б. Брежго оказался в состоянии опасной близости к белорусским национальным кругам и их лидерам в Латвии. В апреле 1925 г. группа белорусской интеллигенции обвинялись в сепаратизме на известном Белорусском процессе в Двинске, где слушалось дело об учителях из Лудзенской и Двинской белорусских гимназий (Strods, 1994; Цоя, 2013).

Признание авторитета

Европейским признанием ученого стала защита в 1932 г. в Брюсселе докторской диссертации, посвященной истории крестьянства Латгалии 1772–1861 гг. Диссертация, написанная на местных архивных источниках, послужила основанием для того, чтобы широко в европейском масштабе говорить о латгальском регионе.

В период с 1930 г. Б. Брежго преподавал в Русском институте университетских знаний в Риге, где его коллегами были видные российские ученые, эмигрировавшие в Латвию после большевистской революции (Цоя, 2013). Институт был создан в октябре 1930 г. и имел 3 отделения: историко–филологическое, юридическое и коммерческо–экономическое. Из 25 преподавателей Русского института многие работали одновременно и в Латвийском университете. Однако ученым советом Латвийского университета на это совмещение был наложен запрет.

Один из профессоров Русского института Н. П. Попов в своей статье 1934 года назвал Б. Р. Брежго в исчерпывающем, как он сам заявляет, списке «русских ученых» в стране (Попов, 1934: 113). Правда в статье не указаны публикации Брежго, в отличие от других ученых – доктора права В. И. Буковского, приват-доцента М. Д. Вайнтроба, доктора А. В. Вейдемана, доктора-историка Г. А. Енша, профессора, доктора медицины Э. Э. Гартье и ряда других (всего 14 фамилий), чьи труды отмечены весьма тщательно. В списке, составленном по алфавиту, первым идет именно Брежго. В Русском институте Болеслав Брежго работал вплоть до его закрытия в 1937 г., а затем вновь возвратился в Даугавпилс, где до прихода советских войск служил инспектором по охране памятников старины, руководил архивом и занимался созданием Латгальского центрального музея.

Научный интерес к региональной истории Латгалии не ограничил профессиональных контактов Болеслава Ричардовича, который в 1930–е гг. продолжал публиковать результаты своих исследований в иностранных (польских, литовских) сборниках и журналах, а также в научных и массовых изданиях Латвии на латышском, белорусском и русском языках. В Беларуси чаще всего называют те его труды 1920–х – 1930–х гг., которые опубликованы в белорусских изданиях в Латвии «Школьная праца» и «Беларуская школа» на белорусском языке: «Отношения полочан и латышей в VIII–XVII вв.» (1926), «Охрана памятников древности на Витебщине» (1932). Из работ на польском языке отмечается небольшая 18–страничная книжка «Охрана доисторических памятников на Витебщине и в польских Инфлянтах» (1928). В 1933 году в Вильно отдельным оттиском из «Ежегодника белорусского научного общества» на белорусском языке была напечатана статья «Замки Витебщины». Статьи из русскоязычной и латышско-язычной печати Латвии по ряду причин остаются белорусским специалистам плохо известны. Перспективным в этой связи может оказаться совместный проект белорусских и латвийских специалистов по возвращению наследия Брежго в научный обиход и переизданию его работ на национальных языках. Труды ученого содержат богатый материал исторических источников и не утратили своей значимости.

Время подведения итогов

Чрезвычайно сложным для Б. Р. Брежго был период 1940–1953 гг. С 1940 г. изданы его книги по истории латгальского крестьянства – результат работы над докторской диссертацией – расширенные хронологически и существенно дополненные архивными материалами. Работы окончательно утвердили научный авторитет ученого вне зависимости от политической конъюнктуры и идеологического прессинга. Заметим, что труды Брежго об истории крестьянства Латгалии издавались и в независимой Латвии (1940 г.), и в период немецкой оккупации (1943 г.), и в послевоенный период в Латвийской ССР (1956 г.). Ученым написана история региона, исходя из анализа исторических источников, вопреки политическим, идеологическим, националистическим доктринам.

Книга 1940 г. «Латгальские крестьяне во время русского крепостного права» стала знаком окончательного признания авторитета ученого, но она вместе с трудами 1943–44 гг. ознаменовала начало 10–летия работы, когда для создавались препятствия. Приход в балтийские страны советской армии, утрата независимости Латвии, начало советско-германской войны, немецкой оккупации, вновь возвращение советской власти, послевоенные сталинские репрессии совсем не способствовали появлению в печати независимых и непредвзятых исторических исследований. О позиции самого Брежго по отношению с этим переменам, о изменениях в его трактовках истории Латгалии можно спорить, но одно бесспорно, что смена политических режимов никак не способствовала независимым оценкам в исторической науке.

Небольшой промежуток времени 1943–1944 гг., когда немецкие оккупационные власти попытались использовать национальные движения (в т.ч. и латгальское, и белорусское) в своих интересах, связан с некоторой активизацией в области культуры и образования, созданием сети школ с латгальским языком обучения, латгальского издательства в Даугавпилсе. Именно заинтересованное отношение издателя Владислава Лоциса позволило за очень короткий промежуток времени издать на латгальском языке несколько трудов Брежго: «Латгальские инвентари и описания земель генерального межевания. 1690–1784», «Прошлое Латгалии», а также сборника «Материалы по истории Латгалии». В это же время он выступал в альманахе "Oluts" («Родник»), а также в белорусскоязычном издании, выходившем в Берлине в 1943 г.

В 1945 г., после прихода в Латвию советской армии, в условиях восстановления мирной жизни Б.Р. Брежго был назначен начальником отдела Центрального государственного архива в Риге и принят на работу в качестве профессора Латвийского государственного университета по кафедре славянской филологии. Однако его сотрудничество с издательством Лоциса, национальными организациями в период немецкой оккупации было истолковано как проявление коллаборационизма. В августе 1948 года в результате идеологических чисток профессор Брежго был освобожден от работы в университете под предлогом штатных сокращений. Он стал научным сотрудником Института истории и материальной культуры Академии Наук Латвийской ССР. Но и здесь все оказалось непросто, даже после смерти И. Сталина и начала «хрущевской оттепели» в отношении ученого продолжало преобладать предвзятое отношение. В последнее десятилетие своей жизни ему пришлось доказывать свою профессиональную состоятельность, обоснованность ученой степени и звания, полученных в Европе. Для идеологов и чиновников от науки оказались недостаточными опубликованные монографии и дипломы, полученные в Брюсселе. Последним крупным напечатанным исследованием Болеслава Брежго стала книга «Очерки по истории крестьянских движений в Латгалии 1507-1907» (1956). 30 сентября 1957 года он умер от сердечного приступа.

История вне идеологии

Вопросы о том, возможно для историка быть вне идеологии, можно ли написать историю латгальского крестьянства вне системных идеологических установок, удалось ли Б.Р. Брежго сохранить объективную, непредвзятую позицию во взглядах на эту историю, не имеют однозначных ответов. Ответы на эти вопросы не просты. Проверка временем позволяет утверждать, что и в наше время исследования ученого сохраняют свою актуальность именно благодаря широкому привлечению документальных источников. Его печатные труды представляют интерес для современных исследователей в Латвии, Беларуси и России. Идеологические установки в этих странах формируют различные официальные концепции истории. Современные авторы–интерпретаторы, обращаясь к работам ученого, исходят из готовых идеологических установок, используют исторический материал в соответствии с собственными потребностями. Основательность и глубина представленного в исследованиях Брежго исторического материала дает интерпретаторам «возможность выбора». История Латгалии по–разному трактуется латвийскими, пророссийскими в Латвии и российскими, белорусскими авторами. Они ссылаются на труды Брежго. Нередко в их толковании присутствует политическая конъюнктура.

Брежго был свидетелем революционных перемен в Российской империи, становления большевистского государства, развертывания политики белорусизации в 1920–е гг. в советской Беларуси, сложного процесса формирования Латвийской государственности и латгальского национального движения. Молодое европейское государство, Латвия на раннем этапе своей истории предоставляло для национальных меньшинств широкие возможности для развития своей культуры, образования. Затем, однако, последовала смена

культурных парадигм в связи с политическими переменами. За 40–е гг. в Латвии трижды произошла смена власти. В условиях частых смен культурных парадигм Брежго выработал в своих исследованиях такие методологические принципы, которые опирались не на политические установки, но были продиктованы спецификой самого исторического материала.

Он не отказывался от заманчивых предложений опубликовать свои труды, но объективность его как историка строилась на отказе от попыток использовать результаты собственных исследований в конъюнктурных, политических целях. Он исходил из того, что сам исторический материал должен формировать проблематику, те вопросы, которые ставит историк. Он не пытался подходить к материалу с несвойственными эпохе вопросами.

Вышедши из крестьянской среды, Брежго получил классическое гимназическое образование с желанием в перспективе посвятить себя исторической науке. Для него мерилом объективной позиции историка было источниковедение, хотя он уделял внимание и археологическим исследованиям. Гуманитарное образование Болеслав Брежго получил в условиях глубокого общественного слома (войны и революции). Это однако не изменило его уверенности в ценности исторического источника и ответственности ученого за этот источник и его интерпретацию. В послереволюционные годы он приложил много усилий к сохранению архивом в Витебской губернии, на территории которой шла война. Тех, кто строил «счастливое общество коммунистического будущего», мало интересовала «макулатура», разве что оборотная сторона бумаг, пригодная для писания протоколов и постановлений. Документы многих советских учреждений послереволюционного времени написаны на оборотах документов дореволюционных лет. Цена старых бумаг в этих условиях была понятна только специалистам с принципиальной позицией. И работа с архивами была большим практическим делом ученого.

Брежго всегда занимался практической работой со свойственной ему обстоятельностью. Он интересовался опытом собирательской (библиотечной и музейной) деятельности в Витебской губернии, исторически связавшей бывшую Полоцкую землю и Латгалию.

Нужно отметить, что в оценках научной и практической деятельности Болеслава Брежго всегда были и сегодня присутствуют известные штампы. Он свободно владел несколькими языками, писал на латышском, латгальском, польском, белорусском, русском языках и еще на нескольких языках объяснялся, но в послереволюционном Витебске считался поляком, приехав в Латвию из Витебска в 1925 г., он был назван «русским» ученым и преподавал в учебном заведении, носившем название «русского университета». Сотрудничая с латгальскими культурными организациями в Даугавпилсе, он изучал связи Латгалии с Полоцкой землей и этим сделал более понятными процессы формирования белорусского этноса. Он успешно показал, что подлинная история гораздо сложнее и многограннее, чем любая политическая и идеологическая схема. Нередко подобные схемы строятся на подмене понятий.

Болеслав Брежго несомненно был ученым европейского уровня с обширными профессиональными контактами, но тематика его научных трудов связана с регионалистикой. Для всех тех, кому приходится обращаться к истории Латгалии, важны его непредвзятые, взвешенные оценки исторического материала.

Выводы

Уроженец Латгалии, выходец из наиболее массовой крестьянской части ее населения с католическими корнями, Болеслав Брежго осознавал сложность этнонациональной, культурной, политической истории региона. В исследованиях, посвященных истории своего народа, оказавшегося на путях пересечения интересов более сильных соседей, ученый дал глубокую оценку явлениям, основанную на использовании источников.

Оказавшись вне политических группировок, в условиях частой смены идеологической конъюнктуры, Брежго выработал профессиональные подходы, которые были обусловлены историческим материалом.

Ученый европейского уровня, он вывел регионалистику на позиции общеевропейской научной мысли, связав изучение истории Латгалии с внушительным массивом археологических и исторических памятников, политической и культурной жизнью соседних народов. Непредвзятость оценок ученого связана, прежде всего, с теми принципами, на которых основана его работа с источниками. Оценки его личности постепенно избавляются от предвзятых идеологических штампов, что позволяет сделать труды историка актуальными для современной научной мысли. Участие его в национальных программах, в латгальских, белорусских, польских, литовских научных, научно-популярных, литературных изданиях, является свидетельством не его ограниченности в культурном, религиозном или политическом смысле, но демонстрирует широту и неподдельность взглядов на культуру своего народа в связи с культурной жизнью ближайших соседей.

Summary

The historian and archivist Bolesław Brezhgó (1887–1967) is one of the outstanding scientists who links Belarus and Latvia, Vitebsk and Latgale in his biography. The 130th anniversary of the scientist's birthday is celebrated this year. The activities of Brezhgó are highly appreciated by specialists in Belarus and Latvia. During the lifetime of the scientist stereotypes predominated in the evaluation of his activity.

The article shows the evolution of changes in the assessment of the personality of the historian Bolesław Brezhgó. He retained the principled positions of an objective scientist throughout his biography, despite the change in political and ideological attitudes. His active scientific work took place in the conditions of changing political regimes and doctrines for about 40 years, first in Belarus, and then in Latvia. The position of the scientist can be presented apolitical, but he repeatedly tried to cooperate in the cultural and scientific programs of national organizations throughout this time.

Brezhgó witnessed and participated in the complex process of the formation of the Latvian statehood and the Latgalian national movement. He did not refuse proposals to publish his works. His objectivity was based on the rejection of the way to use the results of his own research for conjunctural, political purposes. Bolesław Brezhgó proceeded from the idea that historical material should form problems. It is necessary to raise questions that follow from this material. He did not try to analyze the material for uncharacteristic problems.

Brezhgó watched of revolutionary changes in the Russian Empire, the formation of the Bolshevik state, the deployment of the policy of Belarusianization in the 1920s in Soviet Belarus, the complicated process of the formation of the Latvian statehood and the Latgalian national movement. The young European state, Latvia at an early stage of its history provided for the national minorities great opportunities for the development of their culture and education. Then, however, a change in cultural paradigms followed in connection with the political changes. For the 1940s, in Latvia three times there was a change of power. In the conditions of frequent changes of cultural paradigms, Brezhgó developed in his research such methodological principles that were not based on political attitudes, but were dictated by the specifics of the historical material itself.

He did not refuse the tempting offers to publish his works, but his objectivity as a historian was based on the rejection of attempts to use the results of his own research for opportunistic, political purposes. He proceeded from the fact that the historical material itself should form the problems, those questions that the historian poses. He did not try to approach the material with questions unusual for the era.

Brezhgó always engaged in practical work with his characteristic detail. He was interested in the experience of collecting (library and museum) activities in the Vitebsk province, which historically linked the former Polotsk land and Latgale.

It should be noted that in the assessments of the scientific and practical activities of Bolesław Brezhgó, there have always been well-known clichés today.

Kopsavilkums. Šajā rakstā tiek vērtēta zinātnieka Boleslava Brežgo (1887–1957) nostāja par Latgales zemnieku vēstures interpretāciju, objektīvi pētot dokumentus. Pateicoties dokumentāro avotu rūpīgai izpētei, viņa vēsturiskie arhīvu pētījumi vēl arvien ir zinātniskās intereses lokā. 2017. gadā tika atzīmēti 130 gadi kopš vēsturnieka dzimšanas.

Использованная литература и источники

1. Strods, H. (sast.). (1994). *Profesors Boleslavs Brezgo*. Rēzekne: Latgales kultūras centra izdevniecība. 58.
2. Брэжго, Б. (1925). Архівы і архіўная праца ў Віцебшчыне. *Віцебшчына*. 1. Віцебск. 52–60.
3. Назарова, Е. Л. (2012). Латыши в Витебском отделении Московского археологического института. *Ученые записки Витебского государственного университета*. (Т.13), 34–43.
4. Пашкоў, Г. П. (рэдкал.) (1994). Брэжга Баляслаў Рычардавіч. In *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т.* (2). Мінск: Беларуская Энцыклапедыя. 83–84.
5. Попов, Н. П. (1934). Русские ученые в Латвии. In *Русские в Латвии. Сборник*. Преображенский В. В. (ред.). Рига: издание Комитета по устройству Д.Р.К. 113–125.
6. Цоя, С. А. (2013). Русский институт университетских знаний в межвоенной Латвии. *Русский мир и Латвия: Арабжинские курсы. Альманах*. Вып. XXXII. Рига: издание общества SEMINARIUM HORTIUS HUMANITATIS. 18–200.
7. Шумейко, М. Ф. (2011). Из истории Витебского отделения Московского археологического института. *Вестник архивиста*. №3. 205–222.